Литературные известия

№ 5 (181)
Май 2020

Газета Союза писателей XXI века, Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» и литературно-творческого объединения МИД России «Отдушина»

Выходит с 2008 года 1 раз в месяц

Сегодня в номере:

Проза и поэзия членов Союза писателей XXI века

*

Портреты поэтов

*

Книжные новинки и отзывы

*

Литературный кроссворд

РЕКЛАМА

«Диалог» — это ваш телеканал!

Телекомпания «Диалог» создает фильмы о тех людях и фирмах, которые добились значимых результатов в жизни.

ПРАЗДНИК

УВАЖАЕМЫЕ ВЕТЕРАНЫ, ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

От всей души поздравляю вас с великим праздником — Днем Победы! Это наш общенациональный праздник, в том числе и писателей, журналистов, многие из которых сражались и погибли на фронтах ВОВ. Память о всех не пришедших с фронта — свята. Уважение к ветеранам — безмерно. Сегодня в номере мы печатаем стихи известного поэта, доктора философских наук из Казани Натана Солодухо о войне, о великой Победе. Будем достойны памяти наших героев.

В моей семье тоже есть фронтовики. Вот мое стихотворение на эту тему.

XX ВЕК

Век двадцатый суров и кошмарен.
Но всегда — как святыни — во мне
День Победы и Юрий Гагарин,
И мой прадед, что пал на войне.

Летчик-ас, он сгорел в самолете,
Защищая израненный Крым.
Вы меня, я уверен, поймете:
Прадед — жив, ибо необорим.

Прадед — жив. И меня не оставит.
И покажет духовную высь.
...День Победы, Гагарин и прадед
Для меня воедино слились.

Евгений СТЕПАНОВ,
главный редактор газеты «Литературные известия», президент СП XXI века

АТЛАНТЫ ПОЭЗИИ

МАГИЧЕСКАЯ ТАЙНА СЛОВА ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО

(К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ПОЭТА)

1

Обветшал ли язык русский к началу двадцатого века?

Рифма износилась точно: как платье, что использовали многие; рифма истрепалась, стала скучной, чуть ли не вовсе не нужной.

Нужно было перетряхнуть пласты языка — и изобрести новую рифму, давая образцы работы поэтам будущих поколений, и Маяковский, вламываясь в крепость литературы, принялся за работу с истовостью и всей щедростью дара, граничащего с гением.

Не слышали ранее таких созвучий — и показались они грубыми...

Не слышали и не рассчитывали услышать: после нежной и грустной музыки символизма; не предполагали, что такою лестницей можно идти: с широкими ступенями лестницей нового стихосложения.

Маяковский гремел, блистал; слова сталкивались, как шары в бильярдной игре, которую он так любил, — и высекали, что искры, новые значения, а, суммируясь, давали неведомую доселе образность: дикую и яркую: в рост нарождавшемуся веку.

Кабы не эксперименты Маяковского с рифмой, вся сегодняшняя поэзия писалась бы верлибром...

Если бы не глыбы трудов горлана — развитие поэзии остановилось бы.

Но он вершил труды — сквозь бездны преград и препятствий, сквозь мещанскую косность мировосприятия; он шел от бездны, ведомой только ему, и бездна эта дала блестящую метафизическую победу — несмотря ни на что...

И на маяк Маяковского пошли корабли поэтов будущих поколений.

2

МАЯКОВСКИЙ И КИНО

Демонический Маяковский — в плаще и шляпе итальянского карбонария...

Или как?

Демоническая роль Маяковского в фильме «Драма в кабаре футуристов № 13» — какой еще может быть номер? Только такой...

Из Мартина Идена вырастает «Не для денег родившийся», ибо футуризм видел планету, купающуюся в солнце счастья измененных отношений людей: но у денег свое мнение по этому поводу.

Не оттого ли не сохранилось ни одной копии фильма?

Более-менее отчетливо Маяковский-актер и режиссер представляется по ленте «Барышня и хулиган», хотя едва ли кто-то вспомнит рассказ, по которому он сделан; но выразительность хулигана, отмеченного живым монументализмом огромного (во всех смыслах) поэта, врезается в память так, что не вытравить.

Маяковского не мог не интересовать кинематограф — во-первых, он был будущим, как футуризм, во-вторых, есть нечто общее в принципе монтажа и построение стихотворения — особенно — стихов Маяковского, чья монтажная лесенка сама часто организует зримые кадры.

...Был еще эксцентрический бурлеск «Октябрюхов и Декабрюхов»...

Но, представляется, все было бы иначе — иной яркости, — будь кинематограф во времена Маяковского более развит.

Впрочем, и той, дополнительной к поэтическому дару, яркости Маяковского в кино хватает.

Окончание на стр. 2

НОВОСТИ

ЭЛЕКТРОННЫЕ КНИГИ НА ИЗВЕСТНОМ ПОРТАЛЕ

Издательство «Вест-Консалтинг» продолжает работу в условиях пандемии. Много новых электронных книг и газет размещено на нашем портале «Книжно-газетный киоск» (http://book-kiosk.ru/). Не пропустите! Наша задача — сохранить все книги и литературные СМИ, в том числе и в электронном виде.

Евгений СТЕПАНОВ

ПОЭЗИЯ

Натан СОЛОДУХО
ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ

Натан Солодухо *— поэт, философ, художник. Родился в семье участников Великой Отечественной войны. Доктор философских наук, заведует кафедрой в Казанском техническом университете, является действительным членом ряда академий. Автор философских монографий, литературно-художественных книг, публиковался в литературных журналах, сборниках, газетах Москвы, Санкт-Петербурга, Казани и за рубежом. Член Союза российских писателей и Союза писателей XXI века, член Профессионального Союза художников России, лауреат и дипломант изо- и литературных конкурсов.*

ВСЕ МЕНЬШЕ ИХ

Участникам войны, моим родителям

Из возвратившихся с войны
со смертной меткой половина:
остаться были не вольны,
они ушли — сошли лавиной.

Из половины тех живых
затем осталась половина:
четвертый каждый — «в ножевых».
И столько же — в живых невинно.

Вновь рассчитались «на второй» —
и так уходят год за годом.
Вчера прошел живой герой! —
не вставший с нынешним восходом.

А вот один из двадцати:
как многолетняя преграда —
осколком память; на груди
проколом поздняя награда.

Пока ищу средь пожилых —
одни лишь тени пламень тронут.
Вдруг обнаружатся в живых,
как пули — в стреляных патронах...

ПОЧЕМУ-ТО Я ЗНАЮ

Если б я был бойцом
той войны непрощенной,
если был бы посыльным
сквозь время-кольцо,
почему-то я знаю,
что на смерть обреченный
там лежал бы бессильно,
уткнувшись в песок.

Почему-то я знаю,
что живым не вернулся
я бы к дому родному,
да и к делу тому,
где возможно раскрыться
и душой развернуться,
быть и мудрым и сильным
на вопрос «почему?».

Почему так уверен,
что сначала в стремленье
все к земле приковаться,
чтобы дух обрести,
меж сомненьем и верой
я бы все ж распрямился
и с собою расстался,
и ушел от Земли?

Та случайная пуля
не случайно б попала,
сделав выбор угодным
назначенью, — как быть? —
где-то в теле застряла,
и мой мир оборвала
прежде срока — кровавым
заключеньем судьбы.

Почему же я знаю,
почему так уверен,
что не жизнью, а смертью
стал бы крест свой нести?
Видно, просто намерен,
как и многим случалось,
откровенно и честно
там себя повести.

КАК ОЩУЩЕНЬЕ БЫТИЯ

Посвящается моему отцу

Как ощущенье бытия,
лист акварели в светлой раме,
где мой отец на память маме
оставлен после жития.
Здесь все реально, как тогда:
травы зеленой шевеленье
и жест, застывший на мгновенье,
и пятен солнца череда.
Все было так — не так давно,
но где сошлись стекло и доски,
там темный мир, немой и плоский,
глядит в открытое окно.
Как ощущенье бытия,
небытие я ощущаю
и к этой бездне обращаю
немой укор покорно я.
И есть стена и вышина,
есть стол, очки, его одежда
и затаенная надежда,
и ожиданья тишина.
Но лишь во сне отец приходит
и разговор со мной заводит,
и что-то тихо говорит.
И вечность за спиной стоит...

АТЛАНТЫ ПОЭЗИИ

МАГИЧЕСКАЯ ТАЙНА СЛОВА ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО

Окончание. Начало на стр. 1

3

МОНУМЕТАЛЬНАЯ ПОСТУПЬ ПОЭМ МАЯКОВСКОГО

Мальчик-самоубийца, так остро живописанный в поэме «Про это»: с раскатами маяковского «р», с нежностью и презрением к процыганенному романсу, со сравнением с собой, — поэтом, перелопачивающим груды слов ради решительного обновления общего поэтического словаря; сравнением, ради какого возможно и предпринят был образ мальчика, попавшего в страшную ситуацию бездны жизни.

Век стал ломать привычные устои, век делегировал Маяковского, чтобы появился язык, соответствующий предстоящим громам; Маяковский, наполнивший своим огромным «я» внушительные сосуды поэм...

«Облако в штанах» дает невиданные ранее формы лиризма, чья интенсивность берет в полон даже не читателей стихов. Хотя мотивы одиночества и бессмыслицы никуда не уходят:

Все чаще думаю —
не поставить ли лучше
точку пули в своем конце.
Сегодня я
на всякий случай
даю прощальный концерт.

Концерт «Флейты-позвоночника» оказался не последним, отчего поэзия выгадала, но утверждение на счет точки рисует жизнь как безнадежное предприятие — но ведь нет, ощущение ложно: громоздятся лестницы поэм, и ступает по облакам великий командор поэзии.

«Летающий пролетарий» социален в той же мере, в какой «Облако...» лирично; и все торжественно-приподнято, настолько, что не большой объем поэм тянет на эпос, а иные метафоры удивляют само пространство.

...или — от вечной ветхости былых времен громоздятся глыбы Маяковского: зиккураты вздымаются в небеса, египетские пирамиды бросают отсветы на красно-золотящиеся стихи?

Но Маяковский подчеркивал свой анти-интеллектуализм, хотя связь его с гудящим державинским звуком куда сильнее, нежели со звуком Пушкина, так и не свергнутым ни с каким кораблей.

Стоило ли снимать профессору очки-велосипед, чтобы послушать рассказ о времени и о себе?

Стоило, конечно.

Ибо последний документ Маяковского «Во весь голос» — квинтэссенция его поэзии, как сама она — квинтэссенция души.

Александр БАЛТИН

ПРОЗА

Елена БЫСТРИЦКАЯ

ДЕНЬ КОШЕК

Елена Быстрицкая *– прозаик. Родилась в г. Горький. Литературным творчеством занималась с 10 лет в студии «Поэтоград», первые публикации стихов в газете «Пионерская правда» в 1982 году. В 1990 г. окончила Горьковский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. После окончания университета 10 лет работала учителем химии и естествознания в средних образовательных школах. Учитель высшей категории. В 1996 году получила звание «Учитель года». С 2000 года – доцент кафедры спортивной педагогики и психологии НГПУ. Редактор газеты «Спортфакс», ответственный за редакционно-издательскую деятельность на факультете физической культуры, член редколлегии «Вестника Мининского университета». Защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата педагогических наук в 2000 г. В том же году вышла первая книга новелл «Заметки на салфетке». Присвоено звание «Член-корреспондент Российской Академии Естествознания (РАЕ)». В 2013 году защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора педагогических наук по специальности 13.00.08 – теория и методика (педагогика) профессионального образования. Присвоено звание «Академик РАЕ». Автором опубликованы 203 статьи, опубликовано 18 монографий, в том числе учебник «Педагогика физической культуры» (изд-во «Академия»).*

29 февраля... День какой-то ускользающий... Как самые интересные сны и самые удачные формулировки, которые приходят всегда не вовремя – то в бассейне, то в маршрутке, на боковом сидении, то вовсе, пардон, в дамской комнате, где записать их нечем и не на чем. Зато это самый подходящий день для того, чтобы написать обращение от автора к читателям (кто еще не уснул на первых строках моего письма).

Хочу сразу признаться, что далеко не все, что здесь написано от первого лица, происходило со мной или даже при мне. Просто какой же женщине не нравится примерять на себя всяческие судьбы, хотя, как и шарфики, они не все в моде и не каждая нам к лицу. Мне всегда есть что примерить – мои подруги охотно рассказывают мне о своих переживаниях и жизненных историях. Я, правда, слушать не умею, как утверждает мама, но «жилеткой» для плача всегда готова поработать. Я эти исповеди подруг истолковываю как их доверие ко мне. Ну вот, а сегодня я вам доверяю все свое и не очень, в перемешанном виде, как в старинной реторте, прошедшее через меня, как через горнило химической реакции...

А пока – утро и цикорий с черникой для глаз. Захожу в интернет. И погода в этот день какая-то неясная, и новости удивительные. Оказывается, «29 февраля 1288 года в Парламенте Шотландии был принят необычный закон, согласно которому мужчина, отказавшийся жениться на женщине, сделавшей ему предложение о замужестве, был обязан заплатить штраф»...

А мысль уже бежит дальше, и мне очень хочется узнать – там в этот день было больше свадеб или судебных процессов?

Ой, а ведь шотландцы – это те, которые в юбках-килтах? Ну, да. Может это как-то связано с этим законом, типа, кто жениться не согласился и штраф платить отказался, тому и детям его по мужской линии все праздники в юбках клетчатых ходить, дабы все о коварстве его и нерешительности чисто женской по одному его виду узнавали. И тогда что же получается? Получается, что у всех ныне здравствующих шотландцев дедушки были страшно неохочи до законного брака. А может, это был один и тот же дедушка, и все они его потомки, то есть между собой родственники... Бред какой-то.

Переходим к следующей новости...

«День бабушек» и тут же «День кошек».

Интересно посмотреть на какого-нибудь штатного поздравляльщика, который попробует подойти на улице к любой женщине и поздравить с этим праздником. Хлеще только поздравление с Днем пожилого человека.

Оделась, вышла. Иду на остановку. «А может, это опечатка, и они имели в виду «День бабушек и их кошек»? Мне так и представилось, как за узорчатым от мороза и кружевной занавески окном второго этажа стоит бабушка, держит на руках свою кошку, гладит ее, и обе они мурлычут... А за ее спиной внучок лет пяти к шагам на улице прислушивается и говорит: «Тихо, тихо, тихо! По-моему, мамин голосок».

И на улице снег идет – грибной. Не понятно? Это как дождь – если он при солнце, то называется грибным, и скоро грибы пойдут. А это снег при солнце, и, в самом деле, глазом не успеем моргнуть, как грибы пойдут, то есть это, конечно, мы по грибы пойдем.

По дороге от остановки до работы купила миниатюрную книжку «Сочинения Платона». И зачем оно мне? Зрение-то портится, а я решила коллекцию миниатюрных книг собрать. Ах, да, вспомнила, это для того, чтобы сундучок деревянный из-под новогоднего подарка наполнить. А то что он, правда, пустой-то стоит?.. Ну и вот... Соберу, а потом подарю кому-нибудь, у кого зрение хорошее, конечно.

Пришла на работу... А там – Олечка, мама моего крестника, и не только.

– Лена, я придумала. В большой перерыв мы будем ходить в тренажерку качаться, а потом я буду включать музыку, и будем танцевать, а по понедельникам – статьи писать научные начнем. А еще я начала заниматься новой наукой – херологией...

– Может, хиромантией?

– Ну да, и я вам погадаю, что вас в будущем ожидает...

– Ольчик, какой у тебя еще счастливый возраст – все только грядет, все начинается, а я все чаще стала думать: когда, на фиг, все это кончится? Видимо, из меня уже песок сыпется.

– Ну и хорошо, значит, тебе можно смело по льду ходить, не поскользнешься ни разу, и потом... песок-то золотой, – пошутила подруга.

И, правда, что это я так себя? Ах да, день бабушек... Пора заводить кошку.

ПОРТРЕТЫ ПОЭТОВ

ИЗЯЩЕСТВО И ГЛУБИНА АЛЕКСЕЯ ПУРИНА

Тонкое петербургское изящество: точно стихи Пурина исполнены в стиле модерн, с массою словесных закруглений, витков и психологических нюансов, играющих роль архитектурных:

Не важно, в Ялте ли, в Гаэте –
балкон полночный, влажный гул,
трезвон цикады в бересклете,
разгул пристойный, байки эти:
Тибулл, Проперций и Катулл.

Стихи А. Пурина с хорошей родословной: в них чувствуются мерцания Анненского, и причудливо переплетаются словесные ходы Мандельштама и Ахматовой; это стихи, которые невозможны без стихов, ибо растут скорее из литературы, чем из жизни.

Вместе строчки скручены, как веревки, они тянутся и порою, точно обрываясь, искрят, но нет... не оборвутся, продолжатся, продлится стихотворение:

Голубем почтовым из ладони,
оставляя в ней на миг тепло,
в небосвод стремясь, на небосклоне
пропадая (ветром унесло,
смыло синью, белого на белом
различить не в силах глаз),
как спешит душа, простившись с телом
в смертный час...

Интересно, возможно ли для поэтической души продолжение творчества за пределами тела?

А вдруг там оно – гораздо ярче, крупнее, отчетливее, лишено всего наносного, что порою портит стихи тут, в условиях вечно вращающейся юдоли?

Стихи Пурина стремятся подчеркнуто зафиксировать мгновенье: во всей его брызжущей инеем прелести, в простом великолепие мига:

Летят салазки вниз – и синий
под ними скат несется ввысь.
Ристальный лед. Хрустальный иней...
Мгновение, остановись!..

У них – стихотворений Пурина – много разнообразных качеств, что суммарно делает их весьма интересными для чтения.

Александр БАЛТИН

ПОРТРЕТЫ ПОЭТОВ

К 115-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЛЕОНИДА МАРТЫНОВА

Его стихи широки, как сибирские реки – и так же перекипает, играя прозрачно-зеленым, сине-фиолетовым, желто-песочным вода многих смыслов; и течение мощное, пышно-щедрое, могущественное, и мастерство – сродни духам рек: таинственное и точное: от кратчайшего «Богатого нищего» до монументальных поэм.

Ангел мира есть
И ангел мора,
Ангелы молчания на сборищах...

Я любуюсь
Ангелами спора,
Охраняющими бурно спорящих:

Ангелы входят в явь, давая новые интонации стихам, овевая их крылатостью своею; и ангельская энергия вливается в строки, чтобы, обогащенные, вливались они в умы и души читающих.

Читающих – чтящих?

Ныне – забывших о чтение!

Забывших, что стихотворение поднимает ввысь, укрепляет душу и помогает в уединение ковать-крепить свой дух.

Забывших, что стихотворение – это совершенная мелодика слов и уникальный инструмент познания мира теми средствами, каких нет у других искусств.

Возвышенье,
Униженье,
Ветра свист зловещий...
Я смотрю без раздраженья
На такие вещи.

Ведь бывало и похуже,
А потом в итоге
Оставались только лужи
На большой дороге.

Но чего бы это ради
Жарче керосина
Воспылала в мокрой пади
Старая осина?

Нету простоты – ибо ясность выше; а гармония входящих друг в друга строк столь велика, что стихотворение и не написано будто, а выдохнуто: ибо совершенно; оно о боли, о собственном положение, – и о высоте жизни со всеми ее кривдами и полуправдами.

И снова реки текут – могучие реки поэм.

Тобольский летописец подарит столько разнообразных ритмов, выстраивающих лестницы, строящих мосты, взлетающих волшебными шарами; а Домотканная Венера развернется панорамой смыслов и созвучий, веерами павлиньих хвостов: в том смысле, в каком воспринимали их ромейцы: символами Царствия Небесного – бесконечного, неизвестного.

Громоздкость поэм Мартынова!

Даже она хороша, ибо в избыточности заложено столько мощного часового-стихового тиканья, что понятие «вечность» становится одомашненным, реальным.

И вот, обитая в оной вечности, великий Мартынов вновь открывается способным слышать: открывается мощно и яростно, собственной интонацией и духовными прорывами...

Александр БАЛТИН

МЕРА МИХАИЛА КУЗЬМИНА

Сколь поэзия игра?
Сколь всерьез?

Дозы того и другого, смешиваясь, дают густой результат, и Михаил Кузьмин, представляя «Игру в латынь», интересно пользуется тусклыми и мерцающими, стертыми и яркими понятиями из исторических далей – вошедшими во всякую современность:

Терра инкогнита
Неизвестная земля
прыгнула в море
с борта корабля

Куррэнто калямо
Беглым пером
пишем о вечности
перед сном

Земля и вечность: две субстанции – столь же конкретные, сколь и зыбкие (мы ходим по земле – значит, когда-то не будем ходить!) – определяют существование стихов Михаила Кузьмина: быстрых, полетных, тонких, ажурных...

Развернется несколько колючий верлибр, совмещающий мудрость и самоиронию:

И эта
дурацкая привычка
последнего из могикан:
смеяться одновременно
и первым,
и последним...

Потянутся ленты других стихов, вспыхивающим внезапным сближением понятий: в том сочетании, какое не ожидалось:

Всем хорошим
во мне
я обязан

инстинктам...

Я инстинктивно
счастлив.

Инстинктивно
добр.

И даже
инстинктивно
талантлив!

Верлибр в большей степени ставит на мысль, чем на звук, хотя и последний не забывается: он летит и жалит, играет и растворяется в облаках.

Так, балансируя на грани возможного и невероятного, широко рисуя амплитуду между небесным и земным, М. Кузьмин расшифровывает стихами собственную жизнь...

Александр БАЛТИН

РЕКЛАМА

· литературный портал и магазин современной литературы и периодики ·

КНИЖНО-ГАЗЕТНЫЙ КИОСК

книги /// газеты ///журналы///интернет-издания///блоги

Тел. (495) 971 79 25; Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Михаил Бузник
«Синяя гравитация»

Париж – Москва, YMCA-Press, Русский путь, 2019

Новая книга Михаила Бузника, вышедшая в старейшем европейском русскоязычном издательстве, словно разрывает ленту времени и перемещает нас в измерение, в котором прошлое-настоящее-будущее существуют соразмерно и полновесно:

P.S. Радужка же глаз Никиты Алексеевича –
мысль синей гравитации.
Покров жизни дальней.

Чем массивнее объект, тем сильнее его гравитационное притяжение. Чем личность масштабнее, тем ярче раскрываются самые глубокие и сильные грани ее характера, а если человек готов отдать за идею саму жизнь, то вся его энергия подчинена этой идее. Большую часть времени, пока человек с нами, мы этого не осознаем. Прозрение наступает зачастую слишком поздно.

Посвящение издателю и литературоведу Никите Струве «Предвечность + весть», по сути, заканчивается оксюмороном, поскольку синий – цвет вечернего неба, а притяжение к земной поверхности – неизменное свойство объекта, находящегося в мире материальном. Впрочем, квантовая физика, к которой автор имеет непосредственное отношение, доказала: объект микромира может одновременно находиться в разных точках пространства, а также иметь несколько состояний одновременно. И это естественно для элементарных частиц. Что уж говорить о человеке? Не поддается линейному мышлению утверждение о том, что человек – существо двойственное: материальное и духовное в нем неразъединимы.

Плоскостному мышлению также трудно поддается понимание поэзии. Если рифмованная строка еще более-менее однотипно структурирована, то слова Михаила Бузника, стремящегося объять все сущее, и вовсе рискуют вызывать «зависание системы». В одном из своих интервью поэт говорит: «В нашем мире почему-то все сходится к горизонту и очень редко координата устремляется в небо. Вот Лермонтову было неинтересно на земле, и Господь ему дал возможность видеть то, что на небе. И мне всегда было интересней то, что происходит там, чем то, что творится здесь». Запредельное «там» и получает соответствующее описание. Ритмизированные неожиданные реплики, с паузами – как вдохи при диалоге. При чтении не покидает ощущение расширяющейся вселенной, концепция которой доказывает – «в этом измерении смерть невозможна»:

В последних квартетах Бетховена
сказано почти все – что человеку
дано сказать.
Именно в них – Галактики не могут
ПОКИНУТЬ САМИХ СЕБЯ.

Освобожденное слово Михаила Бузника – отражение уходящей культуры. Перед нами предстают Никита Струве, Татьяна Гринденко, Сергей Параджанов… а вслед за ними пространство стихотворения уходит в глубь веков: Лермонтов, Бетховен, Бах… Вошедшие в настоящую книгу стихотворения – это нечто неуловимое, что заставляет нас вновь и вновь вспоминать столь любимую автором квантовую физику: как только мы начинаем взаимодействовать с элементарной частицей, она из неуловимого объекта превращается в реальное осязаемое вещество, которое ведет себя как обычные, знакомые нам предметы материального мира. По-настоящему религиозная поэзия Михаила Бузника обладает метафизической силой, а вопросы, вкрапленные в слегка хаотичное пространство текста, утверждают поэтическую мысль, обращенную к бесконечному будущему:

Каким будет человек
по Воскресении?

Верующему человеку Воскресение Христово открывает истину. Мир коверкает человека, но пасхальная радость возвращает ему первоначальную чистоту. Если Бог нужен человеку здесь, то и в любое другое время Он будет с человеком. Если же нет – то нет смысла задаваться этим вопросом: без Бога человека просто не существует. Стихи Михаила Бузника вплотную подводят читателя к тому, что является подлинным бытием, зовут к раскрытию в себе того, что в нас заложено Богом. И даже делая первые шаги в этом направлении, понемногу начинаешь понимать, что

Звукоряд неба с нами.
Остановиться невозможно.

Мир, раздираемый восемью смертными грехами, разделенный на объекты, Михаил Бузник своей пунктирной строкой – особой степенью организации и ограничений стихотворного пространства – как бы снова собирает в точку, синтезирует как единое целое, с его ушедшими гениями и ныне здравствующими современниками. Поневоле задумываешься о собственном бытии в мире. Что ты сделал? Что оставишь после себя? И это уже – не пассивное восприятие поэзии, но честный разговор с собой. Именно обращение поэта к свободному ритму делает его язык ни на кого не похожим, а потому – пробивается к читателю сквозь засилье словесного шлака. Индивидуальный поэтический язык Михаила Бузника подводит нас к интуитивному пониманию: не пугают такие сложные слова, как «вселенная», «космос», «первотворение», но считываются, минуя цензуру сознания.

О чем его стихи? О людях как о частицах бытия? О мире в целом? Согласно Библии, начало каждого из нас – Божественный замысел. Мы не знаем Его промысла о себе, но какое это счастье – реализовывать свое предназначение, превосходя собственные возможности. Мы и сами не разумеем, что в нас сокрыто. Если осознать это, до конца принять на себя ответственность за это, то есть шанс, что мир хоть немного станет похожим на тот, каким он был изначально задуман, и вот тогда…

И тогда над горами
МЫ СМОЖЕМ УВИДЕТЬ РАЙ,
В котором мы были –
ДО НАШЕГО ЗЕМНОГО РОЖДЕНИЯ.

Ольга ЕФИМОВА

РЕКЛАМА

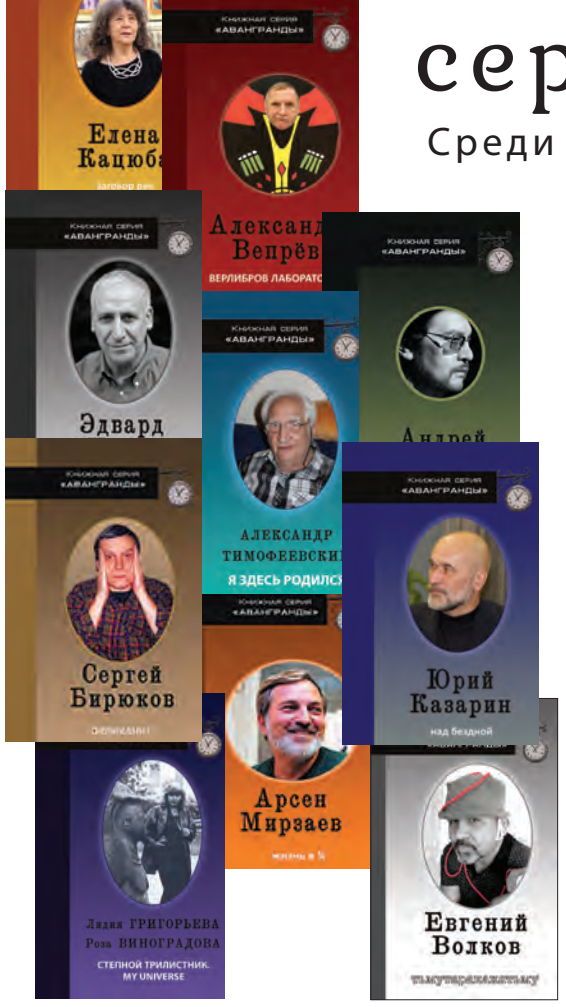
Издательство Евгения Степанова

СПЕЦИАЛИЗИРУЕТСЯ НА ВЫПУСКЕ СТИХОТВОРНЫХ КНИГ

серия «АВАНГРАНДЫ»

Среди авторов издательства — первоклассные поэты:

Сергей Бирюков, Арсен Мирзаев, Александр Вепрёв, Андрей Ширяев, Ян Бруштейн, Анатолий Кудрявицкий, Сергей Попов, Александр Тимофеевский, Сажа Вепревадзе, Анна Гальберштадт, Эдвард Хирш, Константин Кедров-Челищев, Елена Кацюба, Юрий Казарин, Юрий Влодов, Евгений Волков, Лидия Григорьева/Роза Виноградова, Анатолий Малкин и др.



НОВИНКИ 2020 года

Ольга Ильницкая.

Книги выходят по инициативе издателя — кандидата филологических наук, Президента СП XXI века Евгения Степанова.

Адрес электронной почты: **stepanovev@mail.ru**

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Юрий Воротнин
«Поздняя услада»

М.: «Вест-Консалтинг», 2018

Юрий Воротнин весь вышел из русской классической поэзии; философская лирика XIX столетия сочетается в его стихах с трагическим мироощущением века XX-го и постсоветской эпохи. Как я понимаю, эта книга – избранное из всех написанных автором сборников; она разделена на четыре части, и тон ее – от ранних стихов до поздних – не претерпел заметных изменений: ровный, негромкий, уверенный. Говорится только то, что необходимо сказать, то, что наболело, то, что тревожит и не отпускает. Воротнин в личном письме скромно мне написал: «Я в реальной жизни живу больше стройкой. Стихи – отдушина»; не в этом ли – объяснение того, что ему не интересно щеголять изящными фразами и пользоваться модными приемами; его стихи – все «по делу», а не плод самолюбования и не желание популярности. И при этом – несмотря на некоторую монотонность звучания – они живут где-то высших сферах поэзии:

Дорога старая ямская,
Полынь, крапива и репей,
Все глуше боль во мне людская,
Все ближе горе пустырей.

И страшно мне в местах бездонных,
С совой когтистой на плечах
Смотреть в глаза домов бездомных,
Где стынет изморозь в печах.

С одной стороны, стихотворение выдержано в настроении тютчевских «бедных селений» и блоковской «нищей России» (и в размере блоковского стихотворения написано), с другой – перекликается с сегодняшним взглядом на деревенскую разруху: «Не зальется петух, не залает собака,/ Даже тени покинули эти места./ Только память глядит, существуя двояко –/ Сверху в виде звезды, снизу в виде креста» (Инна Лиснянская). А то вдруг в речи Воротнина слышен Есенин – либо нежно-лиричный, либо «разбойный»: «Дом в средней полосе, засыпанный сиренью,/ С окошком на звезду с калиновым лучом,/ И сад, где соловей поет живой свирелью.../ Чего еще желать? Печалиться о чем?»; «Что манит нас в злом бездорожье?/ Чем радует хлипкая грязь?/ Как будто бы беглый острожник/ Вдруг в каждом проснулся из нас»... Удивительно, но прочтя строку «Снег такой, что до неба рукой достаю», я вдруг вспомнил и Юрия Казарина, «зимнего» поэта: «Живу в деревне – прямо в небе»...

Но пора назвать поэта, несомненно оказавшего огромное влияние на Юрия Воротнина. Это Юрий Кузнецов, сочетающий в своих стихах миф и реальность и тяготеющий к балладной интонации. Как для Юрия Кузнецова, так и для Юрия Воротнина высшая ценность – Россия («Жизнь рубахой на мне, тяжела, но с родного плеча»); однако в отличие от Кузнецова Воротнин мистически остро ощущает личную вину не только за российские беды, происходящие сейчас, но и за прошлые, потому что, говоря словами Николая Рубцова, он ощущает со своей родиной «самую жгучую,/ Самую смертную связь»: «Я за миг до рожденья виной был крещен и клеймен». Настоятельность этого чувства вины особенно выражено в одном из лучших стихотворений «Поздней услады»:

Куда б нас ни влекло,
В нас прошлое живет,
Как будто за стеклом
Тяжелый дождь идет.

Оконный переплет
Притянет как магнит.
За ним нас кто-то ждет
И все в глаза глядит. <...>

Между тем, все до единого стихотворения книги исполнены гармонии, что говорит об умении и самого автора сохранять душевное равновесие. Только тревога за будущее в них не утихает. Что ж, без этого не было бы такого поэта – Юрий Воротнин.

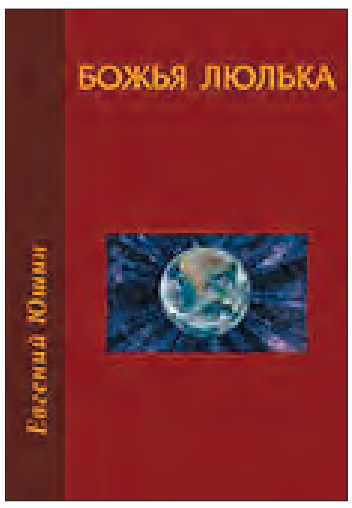
Не оттого тоска, что лето пролетело,
Что воздух протрезвел и стала даль резка,
Я с осенью в ладу, я с ней душой и телом,
Но осень не навек, вот отчего тоска.

И зиму б принял я в ее завалах снежных,
И растопил бы печь в избушке ледяной,
И стал бы жить опять легко и безмятежно,
Когда бы точно знал, что будет за зимой.

Эмиль СОКОЛЬСКИЙ

Евгений Юшин
«Божья люлька»

М.: «Вест-Консалтинг», 2019



В литературной среде Евгений Юшин хорошо известен как главный редактор журнала «Молодая гвардия» (с 2000-го по 2014 год), а вот как поэт – я думаю, поменьше: стихотворения его тихи, теплы, интимны, по форме традиционны, по языку, пожалуй, архаичны («Я старомоден, как двадцатый век/ И не люблю компьютеров и клипов») – и опровергают фразу Есенина: «Я последний поэт деревни». Автор предпочитает жить в деревенском уединении, в единстве с природой, измеряя время по сезонам года и тонко чувствуя погодные состояния. «Божья люлька» для Юшина – это Земля, и никакие стихийные силы – будь то «хлесткая метель» или ветра, бьющие «за воротник», – не способны нарушить гармонического равновесия природы – недаром все в ней подчинено плавному течению: «И плывут себе сады у берегов», «Дверь растворил – и поплыла дорога», «Поплыли селенья на том берегу,/ Поплыли холмы и овраги» (о ледоходе), «Где пух тополиный плывет», «Вот пшеница плывет, разбиваясь волнами у леса»...

Начитавшись в юности «новокрестьянских поэтов» и пейзажной лирики новейшего времени – условно говоря, от философски-созерцательного Николая Рыленкова до щемяще-напевного Николая Рубцова, – я уж было подумал, что Евгений Юшин с его подчеркнутым нежеланием быть «современным» ничем удивить не сможет. Однако Юшин меня удивил и увлек своими эмоционально окрашенными определениями, парадоксальностью образов, точностью интонации. Удивило и то, что плотность изобразительного ряда нисколько стихотворения не утяжеляет: каждое – дышит, каждое – живой организм, каждое – наблюдаемое воочию волшебство; что стоит, например, почти сказочная строчка: «В мохнатой шубе комариной/ Июнь по берегу идет». Замечу кстати: у автора нет любимого времени года, любимые – все. Правда, когда я читаю о лете – мне кажется, что к нему у Юшина отношение особенно трепетное. «Срывает шляпу одуванчик,/ Дорога прячется в пыли,/ И колокольчик в свой стаканчик/ Мед поднимает из земли»; «Сладкого сена дыхание теплое.../ Тихо качаюсь на пышном возу./ Мимо ограды к высокому тополю/ Отбушевавшее лето везу». Иногда, правда, поэт излишне увлекается метафорами – в этом смысле проявляя себя продолжателем есенинской изобретательности: «Облака голубой капустой/ Плавно катятся по волнам»; «Вздрогнет березы осенняя люстра/ И полетят медяки на траву». А иногда в чувственно-любовных стихотворениях обнаруживает трогательно-детскую наивность стиля: «Нежной кожи волнительный шелк,/ Словно теплый степной ветерок./ И летит мне навстречу, летит/ Легкой ласточкой черная бровь». Однако это издержки богатства, а не скудости дарования – о чем говорят и примеры юшинской звукописи: «И на цыпочках цепочкой по росе/ Звезды плавают в серебряном овсе»; «Тут все понятно: лисья ласка леса,/ На курьих ножках бабкина изба».

Есть в «Божьей люльке» и публицистические мотивы («Звенят чеканные монеты/ И воровской жирует класс,/ А счастья – нету, счастья – нету/ Ни у него и ни у нас»), но они все равно возвращают нас к родной земле, к березам, к огням, «дрожащим во мгле» – которые, глядишь, и будут проданы стяжателям-толстосумам: «Не куплю я дали за рекою,/ Ни лугов ромашковую песнь,/ Ни боров брусничные покои –/ Потому что это я и есть», то есть – это все то, что «тайным соком любви, словно пульсом, втекает в виски».

Стихи Евгения Юшина уводят нас из города и каждой строкой напоминают о красоте Земли, о природе, которой пока что не коснулись процессы урбанизации; они расширяют наше зрение, затуманенное жизнью в мегаполисе.

Дверь вздохнет и зевнет спозаранку.
Побреду по росе в сапогах.
Кто-то вывернул ночь наизнанку
И повесил зарю на стогах.

К сожаленью, не каждому это
Светит в сердце, как ласка и май.
Вот глядит из окошка соседка,
Видит только полынь и сарай.

И не видит рассветного рая,
По окошку струящийся мед.
И, костыликом бок подпирая,
День за днем неторопко идет. <...>

Эмиль СОКОЛЬСКИЙ

РЕКЛАМА

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА
ПРИГЛАШАЕТ ВАС НА ПЛК

Занятия проходят на безвозмездной основе.

Запись на ПЛК по телефону 8 495 978 62 75 (с 10.00 до 17.00)

ПОЭЗИЯ

Алексей ГЛУХОВСКИЙ

НИКОГО НЕ ВИНЯ, НИ О ЧЕМ НЕ ЖАЛЕЯ

Алексей Глуховский *— поэт. Родился в 1955 году в Москве, где живет и работает по сей день. Автор многочисленных книг и публикаций. Член Союза писателей XXI века с 2019 года.*

* * *

Бежать из города
в деревню —
на чистый воздух —
наутек!
Туда, откуда
вдохновенье
свой вечный
черпает исток.

Где дышат легкие,
как мехи,
и ночи звездные тихи,
слагать как будто
для утехи
на ум пришедшие
стихи.

Сидеть в ночи самозабвенно,
дрова подбрасывать
в костер,
глядеть на небо непременно,
с луной затеяв
разговор.

При этом чувствуя немного
безумья собственного блажь,
просить прощения
у Бога,
поймав отчаянный
кураж.

НА КАРАНТИНЕ

пустынны площади
и улицы
дома закрыты
на замки
лишь только голуби целуются
любым запретам
вопреки
лишь старики
гуляют парами
словно в замедленном кино
себя не ощущая
старыми
иль позабытыми
давно
как будто за колючей
проволокой
мы за невидимой
стеной
накрытые безвестным облаком
к земле прибиты
тишиной
запрещены рукопожатия
привычной сделалась беда
приоритеты и понятия
сменились раз и навсегда

ТУМАН

тумана пелена упала
на кроны пожелтевших слив
тугие ветви спеленала
от сада дом отгородив

нечеткость мыслей
и предметов —
размытый импрессионизм —
туман скрывает силуэты
и вдоль стволов стекает вниз

траву прилизывает влажным
как у собаки языком
но рядом не присядет даже
оставив ласки на потом

СУДЬБА

Никого не виня, ни о чем не жалея,
свою жизнь отбываем, как положенный срок.
Кто-то зло затаит, кто-то станет добрее.
Каждый свой извлекает из жизни урок.

Кто-то смысл обретет или веру обрящет,
или станет мудрей, никуда не спеша.
Без оглядки назад будет жить настоящим,
полагаясь на то, что подскажет душа.

Не скривляя путей, строго двигаться к цели —
нет дороги короче, что ведет по прямой.
Никого не кляня, ни о чем не жалея,
завершит этот путь, что проложен судьбой.

* * *

Не то земля уходит
из-под ног,
не то небесный свод
на землю рухнул...
А может, это
рассердился Бог
и в гневе кулаком
с размаху ухнул?

И род людской
немедля присмирел,
не стало ни богатых
и ни бедных.
Непрочен в этом мире наш удел,
коль нас объединяют только беды.

* * *

Завести себе собаку
что ли —
дога, далматинца
или колли?

Чтобы по вечерним переулкам
выводил меня он
на прогулку.

Или жмурясь
влажными глазами,
руки бы по-дружески
лизал мне.

Добермана, корги
иль борзую —
умную, веселую, не злую.

Можно
не породистую даже,
что была потеряна однажды.

Я б отмыл ее от липкой грязи.
И не предал бы
ни в коем разе.

* * *

Мы общаться
когда-то умели —
по делам или
по пустякам,
а теперь посылаем емейлы,
прямиком уходящие
в спам.
Мы дружили
друг с другом вживую,
выпивали, читали стихи.
Не расходуя жизнь вхолостую,
проживали
наперегонки.

Пополняли амурные
списки,
всем подряд
признаваясь в любви,
отправляли далеким
и близким
откровенные письма свои.
Мы давно уже стали другими,
точно влили чужую
в нас кровь.
Писем больше
не пишем любимым,
в эсэмэски вмещаем любовь.
Словно сделались
вдруг равнодушней,
на слова и на чувства скупей.
Успеваем чуть больше,
разрушив
что-то важное
в жизни своей.

* * *

То недолет, то перелет—
все мимо цели.
Но верю:
выход меня ждет
в конце тоннеля.

То вдруг, бывает, загрущу
без оснований —
для грусти поводов ищу
и оправданий.

Или, порой, дам слабину,
кривя душою...
Как пес дворовый
на луну
тогда завою.

Иду, куда судьба зовет —
дорогой буден,
пути не зная наперед.
И будь что будет.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Евгений Степанов
«Татьяна Бек: на костре самосожженья»

Серия — Судьбы выдающихся людей (СВЛ) — М.: «Вест-Консалтинг», 2019

Автора мемуарно-биографической литературы подстерегают много препятствий и ловушек. Поскольку мемуарная проза — прямой потомок прозы биографической, воспоминания о человеке (тем более, о близком друге, соратнике и коллеге) обязаны запечатлеть действительно имевшие место события и факты, подтвержденные документально (со ссылкой на достоверные источники), лишенные и тени вымысла. С другой стороны, на документальную направленность неизбежно накладывается пелена субъективизма, ибо мемуарная проза отображает лишь те ситуации, участником либо свидетелем которых был лично автор.

Важен и язык автора. Сложные, витиеватые словесные конструкции не годятся: читатель их попросту не примет. А вот фрагментарность текста, свойственная восстановлению из памяти прошлых образов, которые мысленно ассоциируются с определенными событиями, отточия и пробелы — самое подходящее изложение. Именно так по-христиански поминают усопших — собираются близкие, идет живой разговор: «А помнишь, когда мы?..» — «А был еще другой случай...»

Вспоминая поэта Татьяну Бек, Евгений Степанов создал книгу на стыке жанров. Нельзя рассматривать поэта в отрыве от его произведений: их творческая индивидуальность — всегда продолжение человеческой натуры. Потому в этой книге записки автора соседствуют с анализом поэтики Татьяны Александровны, а интервью с различными людьми, которые знали ее лично и любят ее поэзию, содержат цитаты из любимых стихотворений.

В этой книге много любви. Причем — обоюдной. На обложке — фотография, сделанная автором: Татьяна Бек смотрит в объектив, чуть склонив голову, с напряженным любопытством, словно ждет, что «птичка» вылетит и клюнет. Но доверие к миру все же перевешивает желание от него отгородиться. Так она и жила. Поэт и фотохудожник Лидия Григорьева вспоминает: «...в дружбе она была человеком верным и очень доверчивым. "Представляешь,— говорит мне она,— когда меня напечатали в "Юности", я училась в девятом классе. И в школе меня просто задразнили. Тыкали и шипели вслед, что за меня пишет папа! Обидно-то как было, плакала. А потом, когда в "Новом мире" напечатали, стали говорить, что стихи за меня пишет Юнна Мориц! Представляешь?"». Представить-то несложно, ибо завистники всегда шипят. Но одни, толстокожие, амбициозные, этому радуются: мол, «если тебе плюют в спину, значит, ты идешь впереди». Но другие, открытые, щедрые... Лидия Григорьева далее рассказывает, как Татьяна Бек была свидетельницей на ее свадьбе: «Помню еще, что несмотря на жаркое лето Таня где-то простудилась, и у нее в этот день поднялась температура почти до 39-и! Но она приехала в ЗАГС и героически отстояла всю церемонию...». А вы бы поехали в таком случае?..

Евгений Степанов, соблюдая фактическую достоверность (подробная биография Татьяны Александровны и список использованных источников приведены в конце книги), построил книгу так, чтобы все и все в ней сказали свое веское слово: и люди, и стихи. Много стихов. Они говорят сами за себя, от автора и — вместо него. Отчаяние изматывающей душу любви, устремление лирической героини в неласковое «ты» отчужденного собеседника — драма одиночества творится в стихотворении, которое цитирует поэт Юрий Милорава:

Я в милую темную душу
До боли гляжу и гляжу.
И в снег, в беспощадную стужу
Неверной походкой вхожу.

Первая часть книги документальна. Евгений Степанов выступает и как историк, и как исследователь-литературовед. Глава «Татьяна Бек и ее поколение» отбрасывает нас в начало семидесятых, когда состоялся ее литературный дебют. Отдельная глава посвящена рифменной системе Татьяны Александровны, что не только добавляет книге академизма, но и подтверждает высокую литературную ценность представленных стихотворений. Рассказывая далее о своей долгой (более двух десятилетий!) дружбе с Татьяной Бек, Евгений Степанов зачастую добавляет трагически красноречивые «штрихи к портрету»: «...Она жила небогато. Иногда денег не было совсем. Но никогда не просила».

Во второй части автор переносит центр тяжести на тех, кто в разное время потрудился ответить на его вопросы о поэзии Татьяны Бек в формате интервью и кратких блиц-интервью. Евгений Лесин уверен: «В любом случае: место Татьяны Бек в поэзии — прочное. Лично свое. Никто не сгонит и не сбросит. Между Давидом Самойловым и Верой Павловой. Считать можно с любого конца, конечно». Сергей Арутюнов не менее тверд: «Поэзия родится там, где поэтика, опыт и страсть постепенно закручивают исполинскую воронку, в которую валятся души. Татьяна Бек вышла здесь победительницей по всем статьям».

Ценность мемуарного издания возрастает с течением жизни. Создавая биографические воспоминания о Татьяне Бек, Евгений Степнов сделал книгу не только «обращенной в прошлое», что свойственно любой мемуарной прозе, но и, если можно так выразиться, «с прицелом» в будущее. Впечатляет жесткая авторская самоцензура, касающаяся последних дней жизни Татьяны Александровны. Ни слова! Также не поднимается тема личной жизни поэта. Не просто нет имен — ни намека на пикантные подробности, что, на мой взгляд, абсолютно правильно. Любящий человек не будет разносить сплетни. Кроме того, для будущего это неважно. Имеет значение лишь след, который человек оставил на этой земле: что сделал, кого согрел, что считал для себя важным. Недосказанность придает книге особенное, целомудренное настроение. Ярче вырисовывается образ талантливого, сложного, глубоко принципиального человека с чистой душой: «...Татьяна Бек преодолевала жизненные неурядицы и стремилась к свету. Она принимала жизнь, часто мучилась и страдала на земле, но любила людей — несмотря ни на что».

Такой она осталась в памяти тех, кто ее знал. Такой ее увидит и новое поколение. Что отрадно, поэзия Татьяны Бек созвучна современным авторам, бередит сердца двадцатилетних так же, как тех, кто пришел в русскую поэзию в семидесятые годы. Так, например, говорит молодой поэт из Еревана Константин Шакарян: «Стихи Татьяны Бек трогают. У них есть одно неоценимое качество — они умеют заговаривать боль».

Максималистская позиция — единственная, применимая к литературному произведению. Либо ты можешь, либо нет. «Напечатать можно любые стихи, а вот написать хорошие стихи могут единицы. Татьяна Бек — смогла». Доказательства? Сколько угодно. Евгений Степанов создал книгу-памятник, книгу-объяснение в любви, ставшую достойным ответом роковым строкам Татьяны Бек:

Я была вам хорошим товарищем.
Вы, надеюсь, заметили это?..

Ольга ЕФИМОВА

РЕКЛАМА

ГАЗЕТА «ПОЭТОГРАД» —

Печатный орган Союза писателей XXI века и холдинговой компании «Вест-Консалтинг». Газета учреждена в 2010 году издателем Евгением Степановым

Периодичность — 1 номер в месяц. 8 полос.

Газета выходит в электронном и печатном видах.

Главный редактор — Наталия Лихтенфельд.

**РЕКЛАМУ В ГАЗЕТЕ «ПОЭТОГРАД»
МОЖНО ЗАКАЗАТЬ ПО ТЕЛ.: (495) 978-62-75
МЫ ЖДЕМ ВАШИХ ЗВОНКОВ!**

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Сергей Есин
«Дневник – 2016»

М.: «Вест-Консалтинг», 2019

«Боже мой, опять подробно пишу Дневник! Зачем? Кому и что оставлю?» – воззвание автора двояко: с одной стороны, обращенность «вглубь», внутрь себя (поскольку высказывание ведется от первого лица), с другой – вопрос адресуется потенциальному читателю, приглашая адресата к совместным размышлениям. Таким образом рассказчик, сомневающийся в собственных ощущениях, создает доверительную беседу.

Новый том дневника Сергея Есина (и первый, увидевший свет после его ухода) начинается 1 января 2016 года. Вопрос «Зачем?» всплывает чуть ли не в первом абзаце этого внушительного издания. Это не кокетство и отнюдь не риторическое высказывание. Пишущий осознает себя ответственным за сохранение информации, ощущает себя соавтором написания истории. Тем больнее отзываются в читателе размышления о текущем положении вещей в стенах Литературного института имени Горького: «Ориентируемся на русские сериалы. С такой же тенденцией встретимся мы и дальше: чуть ли не половина наших девушек, претендующих на места в прозе и драматургии, это неудачные дебютантки актерских факультетов и театральных училищ. Литинститут запасной вариант, вроде ночной столовой для таксистов».

Существование студенток, которым нужен хоть какой-то диплом о высшем образовании в совокупности с официально оформленной принадлежностью к творческой среде, обесценивает дело, которому Сергей Есин, долгое время занимавший должность ректора в Литературном институте, потом – возглавлявший кафедру литмастерства, оставался верен до конца своих дней: «для многих Литинститут, которым я так горжусь, как англичанин Кембриджем, лишь один из тех вузов, который предполагает для выпускника парадную жизнь с телевидением и кино». Лаконичны и точны оценки дипломов выпускников.

Будни Литературного института не заслоняют обычной жизни. Утром – прием экзаменов, вечером – дачные хлопоты: «...если у меня собеседование, то почему должен страдать огород?». Дневник Сергея Есина содержит несколько тематических линий, объединенных ограничениями во времени. Каждый прожитый день разворачивается как маленькая жизнь, с утра и до подведения итогов – вопросом или утверждением, которые волновали автора на протяжении прожитого дня. При этом следующий день логически дополняет и развивает день минувший. Описываются и подвергаются анализу события, имевшие вес не только в России, но и в мире, делается анализ исторических событий в контексте настоящего времени: «Оказалось, что русскими Крым начал заселяться лишь в начале XIX века, до этого русские были только как рабы. Одним из важнейших актов екатерининского времени было отселение русских и армян из Крыма. Нет рабов – глохнет и ханская государственность». Такой экскурс в историю автор устраивает во вторую годовщину воссоединения Крыма с Россией.

Поскольку определяющая черта «классического» дневника – фрагментарность, «разорванность» записей, четко структурированный текст Сергея Есина дает нам возможность говорить о том, что перед нами – подлинное литературное произведение, публицистичность которого позволяет рассматривать текст как открытую структуру, изначально создаваемую для читателя. И, что немаловажно, – с заботой о читателе: чтобы избежать затруднений с идентификацией упомянутых в книге лиц, в конце приведен длинный алфавитный указатель, служащий своеобразном компасом в мире громких и малоизвестных фамилий.

Будучи эпической формой, жанр дневника в то же время предполагает и наличие элементов лирического повествования: «Что гонит меня взглянуть хотя бы на подъезд дома, в котором жил когда-то знаменитый писатель, артист или художник? Иногда по костюму мы фантазируем мир человека, а по его жилищу его тайные привычки. Что я хочу узнать? А ведь часто таким образом и узнаю». Рассуждение ведется от себя, но задаваемые читателю вопросы порождают диалогичность: не предполагая немедленный ответ, автор рассчитывает на интеллектуальную работу читателя.

Сугубо личные дневники не нуждаются в композиционно законченных записях, там господствует «я» рассказчика: сделал то-то, пошел туда-то, это хорошо, а это плохо. Сергей Есин стремится быть правильно понятым и услышанным, что, однако, сочетается с нежеланием «давить» на читателя категорическими суждениями: «Утро началось с занятного наблюдения Станислава Говорухина, который сказал, что слово "россияне" ему отвратительно. Мне тоже больше импонирует слово "русские". По этому поводу что-то филологическое объяснял пресс-секретарь Путина Песков. Но разве собственным вкусам прикажешь?».

Литературная обработанность записей предполагает и установку на массовое прочтение. Это уже не «оглядка» в прошлое, но «прямая передача» информации в настоящий момент: «Снова вхожу в московскую жизнь: был пожар в общежитии МАИ, минобр не дремлет – объединяются несколько московских вузов. Наши саперы в Пальмире разминировали всю историческую часть, Порошенко предлагает все русские фамилии граждан Украины переписать на украинский манер, округлить».

Для писателя, как и вообще для любого художника, крайне важно, чтобы жизнь его произведений продолжалась и после его ухода в мир иной. Она и не заканчивается, поскольку затронутые в Дневнике темы по большей части вечны: положение писателя в современном литературном процессе, роль обычного человека в обстоятельствах, предлагаемых большой политикой, обучение литературному мастерству, признание таланта либо благосклонность общественности при полном отсутствии оного у отдельно взятой личности... Самый что ни на есть будний день в пристальном рассмотрении автора подкидывает читателю немало вопросов, при том что, на первый взгляд, рассказчик стилистически нейтрален. Эта кажущаяся нейтрализация дает нам свободу оценивать Дневник со своей колокольни: соглашаться, спорить, быть может, упрекать автора в том, что текст слишком пресен для дневниковых записей. Подобный упрек говорит о невнимательном прочтении: текст Дневника глубоко публицистичен, рассчитан на широкую аудиторию и стремится максимально «сблизиться» с читателем. Очередной том Дневника является отражением «картины мира» и перегруженного информацией времени, в котором мы живем. Но и в этой пестрой «смене декораций» Сергей Есин показывает, как обычная жизнь, прожитая по раз и навсегда усвоенным нравственным принципам, дает ощущение высшей духовной ценности.

Ольга ЕФИМОВА

РЕКЛАМА

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА –

новая современная писательская организация,

идущая в ногу со временем и отвечающая потребностям творческих людей

КАК ВСТУПИТЬ?
Для того, чтобы вступить в Союз писателей XXI века, нужно направить заявление в Президиум, образцы творчества, заполнить анкету (см. сайт www.writer21.ru).
В течение одного месяца Вам будет дан ответ.

КАКИЕ ПРЕИМУЩЕСТВА?
Члены Союза писателей XXI века имеют право публиковаться в изданиях Союза (не реже одного раз в год), участвовать во всех мероприятиях СП, в том числе — в Гостиной СП XXI века, которая проходит в ЦДЛ.

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

СТАНЬ ПИСАТЕЛЕМ СВОЕГО ВЕКА!

КАКОВ ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ ВЗНОС?
Вступительный взнос составляет 5 тысяч рублей (для граждан РФ) и 200 евро (для резидентов зарубежных стран). Ежегодный взнос составляет 1500 рублей (для граждан РФ) и 50 евро (для резидентов зарубежных стран). Для жителей СНГ вступительный взнос — 150 евро, ежегодный — 50 евро. Вступительные взносы будут потрачены на создание каждому члену Союза писателей XXI века персональной WEB-страницы.

Эл. адрес Президиума: glazov_a.a@mail.ru

ПОЭЗИЯ

Константин КЕДРОВ

ПАМЯТИ ЕЛЕНЫ КАЦЮБЫ

Константин Кедров *— поэт, доктор философских наук, главный редактор «Журнала ПОэтов», профессор Литературного института им. А. М. Горького.*

* * *

Во всем всегда тебе я буду верен
В тебе я больше чем в себе уверен
Тебе я верен больше чем себе
И это главное в моей судьбе

Я думаю что ты во мне и над
Поэтому я жив еще покуда
За рифму я держусь как за канат
Протянутый тобою мне оттуда

Как за канат за рифму я держусь
Быть может там тебе я пригожусь
Моя молитва изнутри и над
Она к тебе протянутый канат

* * *

Да и при жизни нас разлучали
Ссорами ревностями интригами
Мы на интриги не отвечали
Мы занимались другими играми

Вот и теперь я с тобой играю
В игры по имени жизнь и смерть
Вместе с тобой приближаясь к Раю
Партию эту сыграть бы суметь

В карты я часто тебе проигрывал
В шахматы бились друг друга любя
В шахматы нежно тебе
подыгрывал
Так мы играли в меня и в тебя

Ныне конечно игра другая
Ныне на карте любовь против смерти
Я в ней играю любви помогая
Ты мне подыгрываешь в бессмертии

Все эти дни я рыдал в три ручья
Проигрыш верный сулили нам черти
Выручить может нас только ничья
Только ничья для любви и бессмертия

* * *

Ты не покойная
Не беспокойная
Небес покойная
Покой Небесная
Небес словесная
Словес Небесная

* * *

Во всем я вижу только Бога
А больше никого не вижу
Не осуждайте меня строго
Я в сердце строгость ненавижу

И в вас я вижу только Бога
Ну что ж таков любви закон
Не осуждайте меня строго
Джульетта вышла на балкон

Бог воплотившийся в Ромео
Джульетте явлен навсегда
Ромео превратился в небо
Джульетта в небе облака

Не осуждайте слишком строго
Веронской девочки любовь
Ромео это только слово
В начале было слово слов

Ромео тело и Душа Джульетта
Джульетта тело и Душа Ромео
Поймите же и вы единство это
Соединение Земли и Неба

Джульетта Небо и Земля Ромео
Ромео Небо и Земля Джульетта
Почувствуйте соединенье это
Соединение Земли и Неба

Елена АНАНЬЕВА

СВОЙ ГОРОД

Елена Ананьева *— поэт, прозаик, журналист, искусствовед, культуртрегер. Автор многих книг и публикаций. Родилась в Одессе. Закончила студию киноактера при Одесской киностудии у режиссеров Василия Левина, Киры Муратовой в 1970 году. Снималась в кинофильмах Одесской киностудии: «Комендант порта» — дипломный фильм, «Прокурор дает показания» («Особое мнение»). Но выбрала журналистику, в том числе тележурналистику. Закончила Одесский Национальный университет имени Мечникова, филологический факультет. В настоящее время живет в ФРГ.*

* * *

Собери свой город
мозаикой чужбин
из осколков, падающих водопадом.
Из высот-глубин
Твоих образов,
освещающих блистающие
покровы и взгляды.

Собери свой город
из переливов волшебных нот,
голосов, дыханием ведущих тему,
города-лабиринты,
а мы живем, продолжая чью-то
оборвавшуюся дилемму.

* * *

Наш сад Эдемский предельно прост,
Вкушая яблок медовый запах,
Завороженно, не чуя ног,
Черту поставим: Восток и Запад.
Взлетали к небу те миражи:
Библейской Девой и юной Лаской,
Крестом чертила те витражи,
Стыкуя солнце с подлунной сказкой.

* * *

Мои дети любят меня –
Маму.
И не важно,
какая на мне панама,
где публикации,
полон ли зал,
кто поздравил,
кто лайкал, – карнавал.
И уже даже не важен обед –
нектаром-вымыслом
мажу блины от бед.

ПРОЗА

Владимир ЛЕБЕДЕВ

НЕДАЛЕКО ОТ ДОМА ПОЭТА

Владимир Лебедев *– прозаик, поэт. Родился в 1937 году в г. Сергач Горьковской области, СССР. Живет в г. Нижний Новгород. Автор многочисленных книг и публикаций. Член Союза писателей XXI века с 2019 года.*

Мне было тогда двенадцать лет, я с похвальной грамотой перешел в пятый класс. Мама, образованная женщина, по профессии бухгалтер, как могла, заботилась обо мне, все делала для того, чтобы я учился на уровне лучших. Порой даже бывая излишне строгой, следила, чтобы я аккуратно делал уроки, не слился с улицей, не простужался, помогал ей в быту. Хотя, будучи целыми днями занятой, не могла меня ежечасно контролировать. Но заложив в меня крепкую основу, она могла видеть, что ее старания не утекли в песок. Как водится на селе, я колол дрова, помогал сажать и копать картошку, ходил в дальний колодец за хорошей водой, выстаивал длинные очереди за хлебом. А когда она утром, не успев приготовить завтрак, убегала на работу, дотапливал печку.

Рос без отца, который погиб еще на финской, когда мне исполнилось лишь три годка, а сестренке не было и двух. А в июне 44-го не стало и сестренки: заболела малярией, а врач (а, может быть, фельдшер), которая пришла по вызову, дала ей взрослую дозу акрихина, и изнуренный военным временем детский организм не выдержал...

Мама была верной дочерью своей Отчизны. Всегда патриотически настроена, она, не задумываясь, отдавала кровные рубли взаймы государству (государственные займы тогда были частью жизни). Обязательная и исполнительная, живо откликалась на все государственные акции, без всяких сомнений верила в правоту руководства и общего дела, ловила по радио каждое слово диктора, с уважением относилась к тому, что исходило сверху.

А мы в ту трудную пору, как и полагается, чувствовали себя детьми и, пусть частенько оставались полуголодными, беззаветно предавались своим мальчишьим делам: играли в лапту, прятки, чиж, были с природой на «ты» – в мае бегали за диким луком, в июне-июле – за полевой клубникой и земляникой, целыми днями пропадали на реке. Или дотемна гоняли набитый тряпками футбольный мяч, условно обозначив ворота одежкой, камушком или комьями земли.

В ту пору в стране были популярны суворовские и нахимовские училища. В них готовили молодых защитников Отечества, настоящих крепких мужчин, сильных и дисциплинированных, будущих офицеров. Офицер – это звучало гордо! Пришла новая разнарядка и в наш военкомат. Многие задумались над этим предложением. Оно было в унисон и маминому высокому настрою. Ей овладела мечта сделать сына настоящим офицером с отменной выправкой, крепкой статью, а, может быть, и высокими наградами. Девушки и молодые женщины были без ума от ладной красивой портупеи, парадных погон, блестящих пуговиц на мундирах и от прочей внешней атрибутики военных людей. И мама решилась.

...Итак, мы на верном пути в военкомат, что в отдаленном конце села. Идем широкой центральной улицей мимо привычного ряда домов: мимо раймага – вытянутого белого одноэтажного здания на углу – напротив – электростанция с огромными то ли запыленными, то ли закопченными окнами – она по вечерам давала нам желанный свет. Мимо большого двухэтажного дома с когизом, где были первые отрывные календари, и квартирами, где жила целая когорта моих школьных друзей. Мимо огромного каменного здания, где на втором этаже расположился парткабинет – место партучебы, с подшивками газет и журналов, а на первом, разрушенном и заброшенном, так здорово играли в прятки. Мимо небольшого каменного дома одноклассницы и длинной галереи обычных сельских домов, сработанных задолго до моего появления на этом свете. А по правую сторону от самой электростанции за серым штакетником – царство зелени, не обремененное излишним уходом: выросшие на свободе деревья, дико растущая трава, не сильно вытоптанные дорожки, вдоль которых прогуливались молоденькие и не очень деревья, распростершие во все стороны свои руки-ветви.

Позади где-то метров 500–600. И вот мы уже напротив домов, стоящих под прямым углом к улице, что повела в сторону от дороги – к луговине, обильно омываемой ранней весной полевыми водами. Один из них – дом редактора районной газеты, поэта-лирика, автора стихов о родном крае. Перед нами мостик через весеннюю речку Быков. До военкомата остается совсем мало. Еще метров триста и – прощай привычная сельская жизнь, друзья по играм, футбол босиком, мальчишьи споры, пятнашки, полевая клубника, речные забавы. До свидания, прежняя жизнь! Я буду военным! Еще немного, еще чуть-чуть.

И тут мама останавливается. Я смотрю на ее хмурое лицо. Такого ненастья в ее глазах я еще не видел – только, когда весной на реке, прыгнув на льдину, провалился и «обмыл» новое пальто. – Нет, – решительно произнесла она. – Идем обратно.

Да, сомнения мучили ее всю дорогу, и у моста, который когда-то отделял наше большое село от стоящей рядом деревни, недалеко от дома редактора и поэта, она изменила решение. Теперь, конечно, можно гадать: права она была или не права – об этом никто не скажет с уверенностью – от слишком многих факторов это зависит. Скорее всего, права.

Я остался на всю жизнь штатским. Потому что был им по сути своей. В тот день до срочной службы в армии, на которую меня призвали по истечении отсрочки, оставалось где-то 12 лет. Я с отличием закончил вуз и два года поработал в нем. Потом отслужил и демобилизовался офицером запаса. Через несколько лет защитил кандидатскую, стал доцентом. Потом увлекся литературным творчеством, стал отчаянно писать. Стихи, юмористические рассказы, афоризмы, снова стихи. Уже всерьез...

А что было бы, если бы мы перешли мостик, одолели оставшиеся 300 метров и заявили бы о своем согласии? С моими гуманитарными наклонностями и неоднозначным отношением к строгим правилам, не терпящим исключений, тенденцией к размышлению и поиску истины, а помимо всего, лирическим настроем души, трудно себе представить, каким бы я был военным.

А, может быть, это решение не случайно пришло напротив дома поэта?

ПОРТРЕТЫ ПОЭТОВ

СИМФОНИЧЕСКОЕ «АЛИБИ» ВЛАДИМИРА СОКОЛОВА

Поэма поэта – точно сумма кристаллов стихов; кристаллов-капсул, начиненных игрою смыслов и оттенков; поэма укрупняет лирический и экзистенциальный опыт, и сама по себе тяготеет к итоговости, к черте – за которой вечность...

Или бездна, или тишина, как декларировано в одной из самых знаменитых поэтических драм мира.

Мне все равно, какое время суток,
Мне все равно, какое время дня.
Мне все равно, какое время ночи.
Я ухожу в знобящий промежуток,
Где ждут давно оболганные очи,
Все понимающие про меня.

Так пел Владимир Соколов, большинством читателей воспринимавшийся сквозным, пронзительным лириком с неповторимостью своей интонации, в последней, завершающей путь, итоговой поэме «Алиби»; так, сухо и точно, словно просыпав словесный стрептоцид, живописал он онтологический ветер, продувающий насквозь и не приносящий фантиков ответов...

(Поэт, всю жизнь работающий со словом, или допускающий работу слова с ним, знает, как мучительно порой накатывает чувство невыразимости многого, подчас – основного, и кажутся слова пустыми конфетными фантиками...)

Соколов в «Алиби» воспроизводил эсхатологический пейзаж души, и становилось страшно от соприкосновения с его опытом.

Тут отражен результат не позиции, но эволюции: то, к чему пришел.

И, кажется, дальше идти некуда...

Поэма разворачивается слоями, касаясь всех – мучительных и постоянных, радостных и томительных – тем В. Соколова: поиск Бога, редко когда венчающийся успехом, духовная ориентация на любовь, способность к самопожертвованию и сопереживанию...

...Храмы Замоскворечья, Лаврушинский переулок, уединение, размышление: благодатные и плодотворные пункты бытия поэта.

И фоном разворачивающейся, длящейся поэмы предстает известный некрополь, где с середины семнадцатого века хоронили представителей богатого купечества и элиты русского дворянства...

Строки концентрируют космос поэта, и, кажется, в каждую стремится он вложить столько, что не выдержит она, разлетится – однако, нет – сила сия только поднимает ее выше, заставляет звучать новые, неведомые регистры.

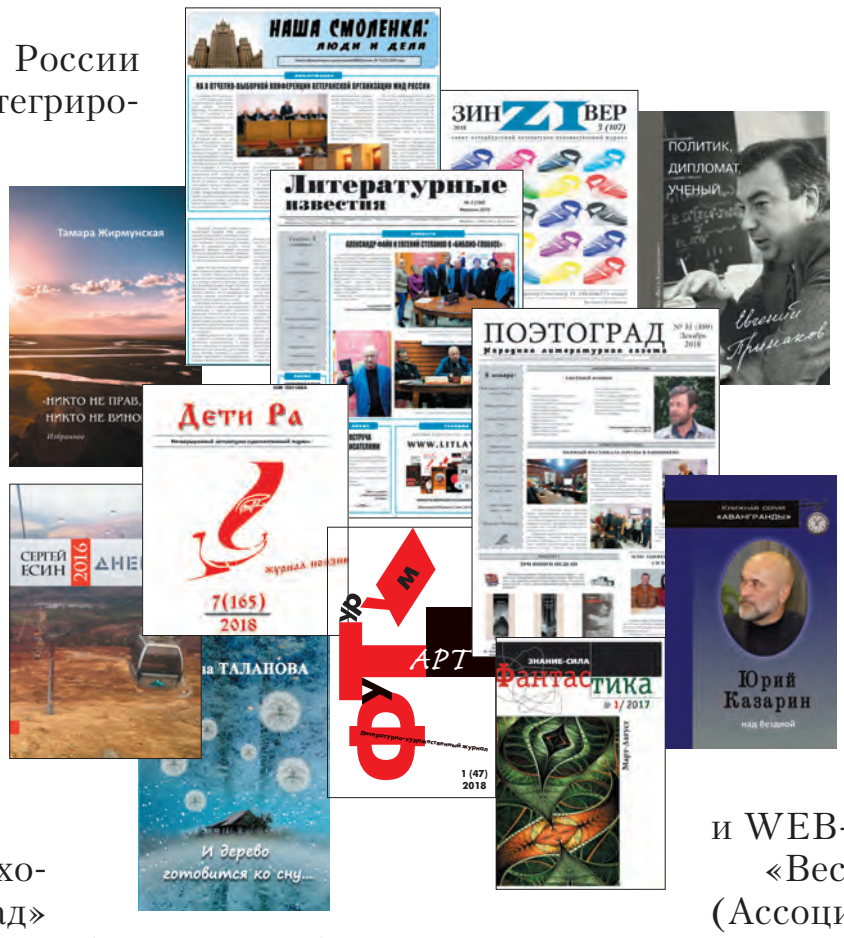
Владимир Соколов оставил много ярких стихотворений, интересную поэму «Сюжет», но, думается, наиболее полифоническое, звучащее таинственно, включающее коды бытия, узнанные поэтом, произведение его – это именно завершающая поэма «Алиби».

Александр БАЛТИН

РЕКЛАМА

ХОЛДИНГОВАЯ КОМПАНИЯ «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

РАБОТАЕТ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ 17 ЛЕТ.



Это широко известный в России и за рубежом вертикально интегрированный медиа-издательский холдинг. Он состоит из ООО «Вест-Консалтинг», издательского комплекса, типографии, PR и WEB-подразделений, Агентства по распространению книг, литературно-художественных журналов «Футурум АРТ» (выходит с 2000 года), «Дети Ра» (выходит с 2004 года), «Зинзивер» (выходит с 2005 года), «Другие» (выходит с 2006 года), интернет-журнала «Персона ПЛЮС» (выходит с 2008 года), газет «Литературные известия» (выходит с 2008 года), «Поэтоград» (выходит с 2010 года), «Есенинский бульвар» (на болгарском языке, выходит с 2010 года), телевизионной компании и интернет-телеканала «Диалог» (работает с 2012 года).

«Вест-Консалтинг» совместно с ИД «Знание-Сила» также издает альманах «Знание-Сила. Фантастика» (с 2010 года).

Компания выпускает книги (более 300 наименований в год), делает буклеты, выполняет все виды типографских работ, предоставляет широкий спектр консалтинговых, рекламных и PR услуг, создает и обслуживает WEB-сайты (создано более 1000 сайтов и WEB-страниц).

«Вест-Консалтинг» — член АСКИ (Ассоциации книгоиздателей России), дважды лауреат премии «Московский счет».

МЫ БУДЕМ РАДЫ ИЗДАТЬ И СДЕЛАТЬ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ!

Тел. (495) 971 79 25; Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЙ ДОСУГ

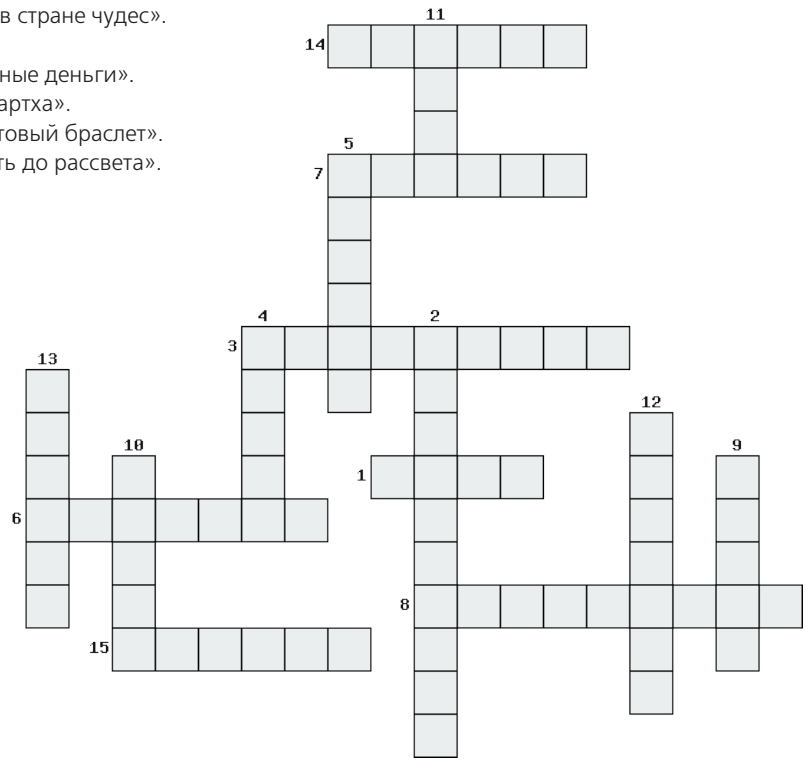
ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРОССВОРД ПО ТЕМЕ «АВТОРЫ-КЛАССИКИ»

По горизонтали:

1. Автор романа «Бегущая по волнам».
4. Автор комедии «Горе от ума».
6. Автор романа «Финансист».
7. Автор детективного романа «Зло под солнцем».
8. Автор романа «Владетель Баллантрэ».
14. Автор романа «Пером и шпагой».
15. Автор сказки «Алиса в стране чудес».
10. Автор сатирического романа «Похождения бравого солдата Швейка во время второй мировой войны».
11. Автор романа «Пролетая над гнездом кукушки».
12. Автор романа «Живые и мертвые».
13. Автор повести «Тимур и его команда».

По вертикали:

2. Автор комедии «Бешеные деньги».
3. Автор романа «Сиддхартха».
5. Автор повести «Гранатовый браслет».
9. Автор повести «Дожить до рассвета».



Кроссворд составила Ольга ЕФИМОВА.

Газета Союза писателей XXI века (www.writer21.ru), Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» (www.west-consulting.com.ru) и литературно-творческого объединения МИД России «Отдушина»
Тел.: (495) 978-62-75
Интернет-ресурсы:
www.litiz.ru, http://reading-hall.ru/litiz,
http://lit-iz.livejournal.com, http://www.facebook.com/litizvestia
E-mail:
stepanovev@mail.ru
Редакционный совет
Сергей Бирюков, Владимир Бояринов, Константин Кедров, Владимир Масалов, Арсен Мелитонян, Евгений Степанов
Главный редактор
Евгений Степанов
Заместитель главного редактора
Фёдор Мальцев
Ответственный секретарь
Иосиф Быковский
Редактор отдела критики
Ольга Ефимова
Обозреватели
Ольга Денисова (соб. кор. в Санкт-Петербурге)
Наталия Лихтенфельд (соб. кор. в Германии)
Верстка
Ирина Ракитина
Интернет-версия
Максим Жуков, Наталия Лихтенфельд
Свидетельство о регистрации
средства массовой информации ПИ № ФС77-33946 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций
Отпечатано в типографии «Новый взгляд».
394016, г. Воронеж, ул. Славы, д.13 а. Заказ № Общий тираж 5000 экз.